

С.С.Дикарева.

ДИАЛОГ В ФИЛОСОФСКОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Умение людей общаться друг с другом входит в социальную компетенцию и является частью культуры. Происходящие в последнее время политические и социально-экономические преобразования повлияли на характер и структуру языкового общения. Расширяется состав участников массовой и коллективной коммуникации: новые слои населения приобщаются к роли ораторов, к роли пишущих в газеты и журналы. Ярким признаком языковой коммуникации становится усиление личностного начала, ориентация на активный диалогⁱ.

В статье анализируется философское понимание диалога как стиля жизни человека, обсуждается проблема диалогичности языкового общения.

Диалогическое противостояние Я и Ты. В философских исследованиях диалог рассматривается в двух аспектах: 1) как способ мышления; 2) как стиль жизни человека, который определяет его отношения с другими людьми, обществом и природой. Известное изречение Сократа "Познай самого себя" говорит о том, что смысл человеческой жизни — в самопознании, достичь которого можно в процессе диалога с другими и в беседе со своим внутренним Я.

Понимание стиля жизни человека как диалогического взаимодействия опирается на антропологическую философию Людвиг Фейербаха. "Человеческая сущность, — отмечал Л.Фейербах, — проявляется только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты"ⁱⁱ.

Теоретически важным является положение о том, что общение людей опирается не только на единство человека с человеком, но и на неперемное различие между Я и Ты, Я и Другой. В парадигме философских категорий это означало замену категории "Я" на категорию "Я и Ты". "Я" - это философская категория единичного субъекта, противопоставленного объекту "Оно". Противопоставление "Я" и "Оно" определяет субъектно-объектные отношения, которые характеризуют предметно - познавательную деятельность человека. В противоположность этому категория "Я и Ты" лежит в основе субъектно-субъектных отношений, характеризующих общение людей.

Концепцию Л.Фейербаха о роли общения в становлении человека аргументирует В.Ф.Поршнев в книге "О начале человеческой истории"ⁱⁱⁱ. Опираясь на данные палеопсихологии, В.Ф.Поршнев отвергает широко известные теории, ведущие начало человека и возникновение речи от его деятельности во внешней среде. Как свидетельствуют факты, полученные палеопсихологами, в акте антропогенеза первично общение. Более того, в развитии речи первичной функцией было выражать отношение людей друг к другу, а отношение к внешнему миру было вторичной функцией. В.Ф.Поршнев утверждает, что доминантой речевого общения была суггестия (внушение): "Мы выяснили, что речь - ядро человеческой психики и что внушающая работа слов (прескрипция, суггестия) - ядро этого ядра"^{iv}.

Развивая эту мысль дальше, В.Ф.Поршнев отмечает, что в речевом общении все сводится, с одной стороны, к повелению и, с другой стороны, к подчинению или возражению (контрсуггестии). В частности, сообщение информации можно представить как повеление принять эту информацию, вопрос - как повеление ответить и т.д. Второй участник общения либо выполняет указание, т.е. принимает информацию, отвечает на вопрос и т.д., или же находит пути отказа. Например, можно ответить молчанием, неправдой, задержать реакцию, обдумывая слова, задать встречный вопрос и тому подобное. т.е. возразить. Разговор - это "цепь взаимных возражений". Возражение (контрсуггестия) - неразлучный спутник, "тень" суггестии. Слова, произносимые одним участником общения, "роковым" образом предопределяют поведение другого, если только они не наталкиваются на возражение. У нормальных людей в зрелом возрасте чистая суггестия, т.е. полная некритическая внушаемость, находится только в патологии или в условиях гипнотического сна. Поэтому

естественным является недоверие, “критический фильтр”, “торможение” исполнения прескрипции.

Таким образом, основная идея чрезвычайно интересной для теории диалога книги В.Ф.Поршнева состоит в том, что в формировании человека первично общение. Общение предшествует “вторжению вещей”, и именно общение приводит к развитию речи. Важнейшая функция речевого общения - функция внушения, суггестии. Эта функция является центральной как в онтогенезе, так и в филогенезе. Она находит свое выражение в сфере взаимодействия между индивидуумами и проявляется как прескрипция - принудительная сила слова.

Диалогичность языкового общения. Люди не могут нормально жить, не контактируя друг с другом и не влияя друг на друга. Общение - основная форма человеческого взаимодействия. Наиболее содержательным, емким и выразительным средством человеческого общения является язык.

Верой в неограниченные возможности языка для постижения тайн человека отличается философия языка Вильгельма фон Гумбольдта. “Только в сочетании другого и “я”, опосредованном языком, - утверждал Гумбольдт, - рождаются все глубокие и благородные чувства, вдохновляющие человека, такие, как дружба, любовь и всякая духовная общность, возвышающая и углубляющая связь между индивидуумами”^v.

В. фон Гумбольдту принадлежит и идея диалогичности процесса понимания: “Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы”^{vi}. Такое толкование процесса понимания заставляет взглянуть на характер языкового общения как на творческий процесс, при котором своеобразно настраиваются друг на друга **“соответствующие, но не тождественные смыслы”**.

Философия языка, созданная В.Гумбольдтом, оказала влияние на развитие герменевтики^{vii}. Принципиально важным оказалось включение в предмет герменевтики всего богатства языка, понимаемого как деятельность, как “работа духа”. Прежде герменевтика имела дело с результатами “деятельности духа” – литературными текстами, историческими источниками, философскими трактатами. Идеи В. Гумбольдта об активности слушающего восприняты герменевтикой как принцип диалога, который был применен к пониманию и истолкованию текстов. Именно так описывает взаимодействие текста и его интерпретатора Г. Гадамер: “Можно с полным правом говорить о герменевтическом разговоре — разговоре между текстом и его интерпретатором. Как и в случае действительного разговора, именно общее дело объединяет партнеров, в данном случае, текст и интерпретатора”^{viii}.

В дальнейшем принцип диалога был положен в основу анализа не только текста, но и всей гуманитарной культуры. В наиболее отчетливом виде это было сделано М.М.Бахтиным. “Стенограмма гуманитарного мышления, — писал М.М.Бахтин, - это всегда стенограмма диалога особого вида: сложное взаимодействие т е к с т а (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего к о н т е к с т а (вопрошающего, возражающего и т.п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого. Это встреча двух текстов - готового и создаваемого, реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов”^{ix}.

Условием диалога в концепции М.М.Бахтина служит наличие двух несовпадающих смысловых позиций. Вступить в диалог означает занять ответную смысловую позицию. У каждого участника взаимодействия (автора и адресата) свой “голос” в диалоге в противоречии или согласии с чужим “голосом”. С предельной обстоятельностью

философская теория диалога изложена в работах Мартина Бубера: "Ich und Du" (1922) и "Das Problem des Menschen" (1943)^x.

Таким образом, диалогический принцип представляет собой развитие идей антропологической философии, стремящейся к постижению человека. Философские исследования выявляют систему изначальных категорий, ведущих к построению целостной теории диалога. Основным предметом такой теории является не индивид и не коллектив, а человек с человеком. Человек обретает собственную сущность только соотнося себя с другими людьми. Диалогический принцип состоит в исходной установке *видеть в другом личность*.

Выделяются следующие признаки диалога: 1) симметричность; 2) непосредственность (т.е. отсутствие посредника); 3) исключительность; 4) уникальность; 5) существование только в настоящее время и только в промежуточной сфере между партнерами; 6) неустойчивость (т.е. опасность превращения в объектное отношение **Я — Оно**).

Диалогическое противостояние **Я** и **Ты** рождает отношение, которое охватывает двух участников общения. Восприятие человека является процессом понимания иного, отличного от собственного внутреннего мира. Это процесс воссоздания чужого внутреннего мира в собственном. Но это воссоздание никогда не может быть полным. Удивительно точно эта мысль выражена К.Бальмонтом в стихотворении "Глаза".

*Когда я к другому в упор подхожу,
Я знаю: нам общее нечто дано.
И я напряженно и зорко гляжу
Туда, на глубокое дно.*

И поразительные по глубине последние строки:

*Я вижу, я помню, я тайно дрожу,
Я знаю, откуда приходит гроза.
И если другому в глаза я гляжу,
Он вдруг закрывает глаза.*

"Он вдруг закрывает глаза" - полное проникновение в тайны другого снимает гармонию диалогического отношения **Я** и **Ты**, нарушает право неприкосновенности личности.

Итак, анализ общих вопросов теории диалога приводит к следующим выводам. Диалогический стиль жизни основан на субъектно-субъектных отношениях. Как форма общения диалог охватывает такие виды субъектно-субъектных отношений, в которых участвуют 2 стороны. В зависимости от типа субъекта выделяется межличностный диалог; диалог социальных групп; диалог культур; внутренний диалог; диалог с компьютером.

Диалог осуществляется на основе социального паритета — нравственного или правового равенства сторон. Сформулированные выводы являются основой для исследования закономерностей языкового диалога. Рассмотрим диалогический принцип языкового общения, который проявляется в коммуникативном противостоянии **Говорящий — Слушающий**.

Коммуникативное противостояние Говорящий — Слушающий. Как уже отмечалось, основные положения диалогичности языкового общения наметил Вильгельм фон Гумбольдт. Идеи В. фон Гумбольдта, столь популярные в современной лингвистике, были не менее популярны в отечественной лингвистике 20-х годов. Следуя идеям В.фон Гумбольдта, В.Н.Волошинов рассматривает слово как материал жизненного общения,

значение которого меняется вместе с изменением условий жизни: "... всякий живой идеологический знак двулик, как Янус. Всякая живая брань может стать похвалой, всякая живая истина неизбежно должна звучать для многих других как величайшая ложь. Эта внутренняя диалектичность знака раскрывается до конца только в эпохи социальных кризисов и революционных сдвигов"^{xi}. Свидетелями таких контрастных изменений в значении слов мы являемся в настоящее время.

Для осознания принципов организации языкового диалога очень важно понять, что основное свойство языкового знака — изменчивость и гибкость -- используется как говорящим, так и слушающим. Для говорящего языковая форма важна не как устойчивая и всегда себе равная, а как изменчивая и гибкая. Аналогично и восприятие знака слушающим. Как показывают многочисленные исследования по семантике и прагматике, языковое общение большей частью имплицитно, т.е. мы действительно говорим преимущественно намеками. В процессе общения реакцию адресата могут вызвать самые разнообразные смыслы, следующие из значения языковых средств, употребленных в высказывании.

Полифония слова в диалоге. Возможность не выражать определенную часть информации вербально основана на предположении говорящего о том, что адресат владеет знаниями языка, знаниями о мире (энциклопедическими знаниями) и знаниями о правилах общения (интерактивными знаниями). Однако все эти знания проходят через призму личностного восприятия, отражают мнения и говорящего, и слушающего.

Желая достичь нужного воздействующего эффекта, автор сообщения должен соблюдать осторожность, поскольку активными могут стать и неблагоприятные для коммуникации смыслы. Ситуация активизации нежелательных смыслов описывается в одном из эпизодов "Двенадцати стульев". Это реакция на лозунги, которые висели в столовой страхового общества старсобеса:

ПИЦЦА - ИСТОЧНИК ЗДОРОВЬЯ.

ОДНО ЯЙЦО СОДЕРЖИТ СТОЛЬКО ЖЕ ЖИРОВ, СКОЛЬКО 1/2 ФУНТА МЯСА.

ТЩАТЕЛЬНО ПЕРЕЖЕВЫВАЯ ПИЦЦУ, ТЫ ПОМОГАЕШЬ ОБЩЕСТВУ и
МЯСО - ВРЕДНО.

В романе И.Ильфа и Е.Петрова реакция на эти лозунги описывается следующим образом: " Все эти святые слова будили в старухах воспоминания об исчезнувших еще до революции зубах, о яйцах, пропавших приблизительно в ту же пору, о мясе, уступающем в смысле жиров яйцам, а может быть, и об обществе, которому они были лишены возможности помогать, тщательно пережевывая пищу". Переводя это на язык лингвистической терминологии, можно сказать, что реакция была вызвана экзистенциальными пресуппозициями высказываний (существуют зубы, существуют яйца, существует мясо) и прагматическими пресуппозициями "святых слов" (без зубов пищу тщательно не пережевать и не помочь обществу).

Воспринимая высказывание, адресат свободен в выборе горизонта реагирования. Воздействующий эффект высказывания (перлокуция) отчетливее всего обнаруживается при речевом диалогическом взаимодействии, когда реакция адресата явно эксплицирована в ответной реплике. В принципе любой компонент значения слова и даже его грамматическое и интонационное оформление может стать коммуникативным стимулом для ответной реплики адресата.

Приведем несколько примеров.

Пример 1. Диалог между Иешуа и Понтием Пилатом из "Мастера и Маргариты" М.Булгакова.

– *Чем хочешь ты, чтобы я поклялся?* - спросил, очень оживившись, развязанный.

– *Ну, хотя бы жизнью твоею,* - ответил прокуратор, - *ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это.*

– Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил, игемон? - спросил арестант. - Если это так, ты очень ошибаешься.

Пилат вздрогнул и ответил сквозь зубы:

– Я могу перерезать этот волосок.

– И в этом ты ошибаешься, — светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, — согласишься, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?

– Так, так, — улыбнувшись, сказал Пилат, — теперь я не сомневаюсь в том, что праздные зеваки в Ершалаиме ходили за тобой по пятам. Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо.

Приведенный фрагмент диалога строится на игре смыслов слов в составе фразеологических сочетаний и в индивидуально-авторском употреблении: "Жизнь висит на волоске", "Не ты ее подвесил", "Я могу перерезать этот волосок", "Перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил", "Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо".

Пример 2. Из пьесы К.Рацера "Диоген".

Д и о г е н.... А теперь... теперь я ищу истину, которая откроет мне человека. И мне кажется, что сегодня я осилил первую ступеньку на этом тернистом пути... (Направляется к дому, у входа спотыкается).

П а м ф и л а. Лучше бы ты эту ступеньку починил, бездельник.

В реплике Диогена слово "ступенька" используется в значении 'стадия в развитии идеи', а в реплике Памфилы - в значении 'часть лестницы'.

Пример 3. Из "Собачьего сердца" М.Булгакова, диалог профессора Преображенского с представителями жилотдела.

- Я понимаю вашу иронию, профессор, мы сейчас уйдем...Только я, как заведующий культотделом дома...

- За-ве-дующая.

В последнем примере коммуникативным стимулом реплики профессора Преображенского стала форма слова "заведующий".

Приведенные примеры достаточно разнородны, однако они иллюстрируют двухголосие, полифонию **Слова** в диалоге. Употребляя здесь термин "слово", мы имеем в виду самое широкое его значение - это и отдельная лексема, и высказывание, и реплика, и текст - все выраженное на языке, написанное или произнесенное.

И в этом смысле можно утверждать, что в диалоге позиции говорящего и слушающего фокусируются и сталкиваются в слове, которое становится центром **коммуникативного диалогического противостояния**.

Как и диалогические отношения, которые рождаются в едва уловимой промежуточной сфере между **Я** и **Другой**, значение слова в диалоге как бы заново создается и переосмысливается при взаимодействии и взаимопроникновении вступивших в диалог.

ⁱ Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: "Языки русской культуры". 1996. - 480 с.

ⁱⁱ Л. Фейербах. Основные положения философии будущего// Избранные философские произведения. Т.1. — М.: Госполитиздат, 1956, С.203.

-
- iii Б.Ф. Поршнев. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии) М.: Мысль, 1974.
- iv Там же, С.20.
- v В. фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1985, С.400.
- vi В. Фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1984, С.165.
- vii В.Г.Кузнецов. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во Московского ун-та, 1991, С.90-91.
- viii Х.-Г. Гадамер Истина и метод. Пер. с нем. М.: Прогресс. 1988, С.451.
- ix М.М. Бахтин. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа// Литературно-критические статьи. - М.: Худож. лит.: 1986, С.477.
- x Мартин Бубер. Я и Ты. Пер. с нем. М.: Высшая школа, 1993.
- xi В.Н.Волошинов. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. - Л.: Прибой: 1929, С.32.